

ОТКРОВЕНИЯ В СТИЛЕ "MODERN DANCE"

ТЕАТР АЛВИНА ЭЙЛИ БЫЛ НА ГАСТРОЛЯХ В МОСКВЕ ДВАЖДЫ — В 1970 И В НАЫНЕШНЕМ, 1990 ГОДУ. КРОМЕ ТОГО, ОТДЕЛЬНЫЕ ПОСТАНОВКИ ХОРЕОГРАФА ДЕМОНИСТРИРОВАЛИСЬ В НАШЕЙ СТРАНЕ В НАЧАЛЕ 60-Х ГОДОВ.

"...Хореография спектакля впечатляюща и образна. Но постановщик как бы боится говорить ясно, просто, без нарочито модернистских усложненных жестов и иероглифов."

("Советская культура", 1963)

"У Эйли есть одно качество, как, впрочем, и у всего американского балетного театра. В трагической ситуации "Дома страданий" подчеркивается безысходность, жертвенность героев и незаметно ни малейшей попытки выразить протест против гнетущей среды..."

Страшно, что для молодых хореографов даже светлое оборачивается тенью, затягивается безнадежным мраком ночи..."

("Советская музыка", 1964).

"...В центре внимания почти всех показанных нам спектаклей стоял живой Человек. Некоторые миниатюры являли собой великолепно выраженный хореографический средствами протест против жестокости капиталистического мира."

(Музыкальная жизнь, 1973)

МОСКВА — Мир истовых молитв и неистовых танцев, любовной игры и вечной скорби, кабаретной фривольности и ритуальной неотвратимости снова заманивает зал в свои сети. Мы смотрим "Откровения" Алвина Эйли 20 лет спустя.

Вот птица застыла в напряженном взмахе крыльев — "пилигрим печали", высвеченный из сумеречной настроенности сцены. Но тут же следом — желтое солнечное тепло, розово-голубые струи пент, многоярусное колышание юбок, волнуемое покачивание зонтиков и бедер.

Вот три человечки существа мечутся в тщетной попытке бегства от себя, то взлетая, то ползая по сгустку черно-красного пространства. Но в следующей части спектакля на сцену им — лишь веселое общество кокетливо щебечущих прихотников. Мсл. побег удался. Произошло очищение "грешного человека". Как просто, Господи, как быстро... Да и стоило ли так стенать и неистовствовать ради того,

чтобы попасть всего-то в всееленький приходик?..

Однако зал рукоплещет. Заводится от переклестов джаза. Счастливо улыбаются, покачиваясь в такт музыке и собственным аплодисментам. Все О'К! Напряженность "Пилигрима печали" и "Грешного человека" (так называются миниатюры спектакля) снята незатейливой оптимистической концовкой. Радость жизни легко победила ее трагичность. А нам, уставшим от тревог и отчаяния повседневности, только этого и надо.

Искусство Элвина Эйли в первого раза еще в начале 60-х годов пришлось нам впору — и официальным кругам, и населению. Периодика в 1964 году удовлетворенно констатировала: "нет ничего общего между Эйли и новейшими "авангардистами", представителями танца "модерн", модернистами по существу, сознательно занимающимися... "обесчеловечиванием" образа (Элвин Николэй) или "неподвижными" танцами (Поль Тэйлор). Легкое пожу-

ривание за имеющиеся все-таки в ансамбле Эйли модернистские устремления прощались Эйли за реалистическое внимание к человеку и оптимизм.

Оптимизм и впрямь был. Вполне природный, живущий в негритянских плясках и джазовой музыке; научно обоснованный в постановках хореографа и ученого-антрополога Катрин Данэм и принесенный из ночных кабаре эстрадным танцовщиком Талли Битти. Все смешивалось — африканский фольклор и америкаские будни, классические "па" и жесткая техничность "модерна". А зритель видел то ли спектакль, то ли балет, то ли шаманство, то ли разврат. Но все — с неумолимой земной силой, исторгаемой вечными черными телами-деревьями, длинными, ломкими, как ветки, пальцами, блестящими каплями глаз и пота на темно-бронзовых лицах. Не было в привезенных спектаклях социальности уходящих 60-х, не было сонливости наступающих 70-х — была естественная безоглядность жизни, вечной и одноразовой... как жизнь.

"В моей работе я стараюсь слить в единое целое танец и драматический театр. Мне всегда хотелось видеть на балетной сцене не просто танцовров, а живых людей, — объяснял во время первых гастролей основатель коллектива. — Я глубоко убежден, что будущее сценического искусства — в полном синтезе танца,

драматического театра и музыки".

"Мы стараемся сохранить ту удивительно верную пропорцию между печальным и светлым, которая была найдена Алвином Эйли. Мы используем многие виды танцевальной техники и хотим все их вам показать. Но в каждый танец пытаемся вдохнуть душу человеческую", — эти слова произнесены на нынешних гастролях Джудит Жемисон, ставшей художественным руководителем театра после смерти Эйли в 1989 году. Она говорит необычайно эмоционально. Чуткие, как на картинах Пикассо, но сильные и уверенные пальцы помогают словам. Словно выточенная из экзотических древесных пород шея рождает высокомерный поворот головы, смену настроений, ударений, смыслов. Джудит — отдельный спектакль, который на сцене в этот раз не повторяется.

Россия, извечно решающая "проклятые вопросы", наблюдает со стороны, как мучительность познания мира снимается легкой безуловностью радостного в нем существования. И не верит. И счастливо включается в предложенную игру. на два часа, пока идут "Откровения" ансамбля Алвина Эйли.

Два часа! Всего лишь мгновения жизни в не нашем ритме — в ритме "Modern dance"!

Зоя МИХЕЕВА

Фото

Сергея БЕРМЕНЕВА